

П О Л И Н А

Дашкова

Источник славы

Книга первая

Издательство АСТ
Москва

«Покойный старик верно искал
философского камня... проказник!
И как он умел сохранить это в се-
крете!»

В.Ф. Одоевский, «Сильфида»

Глава первая

Москва, 1916

Квартира профессора Свешникова Михаила Владимировича занимала четвертый этаж в новом доме по Второй Тверской-Ямской улице. Профессор был нестар, вдов, имел троих детей. Злые языки утверждали, что всех их он вырастил в прорубках. Среди окрестных торговок ходили слухи, будто этот доктор оживляет покойников, умеет оборачиваться черной собакой и белой мышью, живет две тысячи лет. Получил дворянство, звание профессора и царского генерала при помощи черной магии, а также японской и немецкой разведок.

Впрочем, ни сам Михаил Владимирович, ни его домашние об этих слухах не ведали. Только горничная Марина, тихая полная девушка двадцати пяти лет, иногда после похода в бакалейную лавку пыталась делиться рассказами торговок с няней, Авдотьей Борисовной, старой и почти глухой. Когда Марина громко шептала ей на ухо, Авдотья Борисовна вздыхала, охала и качала головой. Она думала, что Марина говорит о каких-то вымышленных персонажах, о ком-то из газет или из книжек. Она ни на миг не могла вообразить, что речь идет о ее драгоценном Мишеньке, которому она когда-то, в другом веке, была не только няней, но и кормилицей.

Москва кишела медиумами, предсказателями, гипнотизерами, хиромантами, колдунами — на любой вкус. В том же доме над квартирой профессора жил спирит Бубликов, и даже табличка на двери блестела «Доктор эзотерики, великий маг, заслуженный спирит Российской Империи Бубликов А.А.». Но почему-то он интересовал торговок куда меньше, чем профессор Свешников.

Темным январским утром 1916 года, в седьмом часу, из окна четвертого этажа, выходявшего во двор, раздался отчаянный женский визг. Дворник Сулейман воткнул лопату в сугроб, по-

смотрел наверх. Форточка была приоткрыта, сквозь плотные шторы пробивался яркий электрический свет. Полоска света лежала на темном сугробе, и отдельные снежинки искрились в ней, как россыпь мелких алмазов.

За визгом ничего, кроме тишины, не последовало. Дворник снял варежку, тихо и тщательно помолился Аллаху.

В бывшем обеденном зале, отведенном под лабораторию, старая горничная Клавдия сидела на полу и нюхала нашатырь. Над ней склонился профессор Свешников. Небритый, сонный, в шелковом стеганом халате, с полотенцем вокруг шеи, в теплых домашних туфлях, он только что выскочил из ванной комнаты на крик горничной.

— Ну, ну, тихо, Клавушка, будет тебе трястись, — говорил профессор приятным, хриплым со сна баритоном, — успокойся и расскажи все по порядку.

Клавдия шмыгнула носом, подняла дрожащую руку и указала в дальний угол, туда, где за больничной клеенчатой ширмой стояли три небольших стеклянных ящика с частыми дырочками для воздуха. В одном метались и беззвучно пищали две жирные белые крысы. В другом копошилась дюжина маленьких крысят. Третий был пуст.

— Ты открывала клетку?

Клавдия категорически замотала головой. Михаил Владимирович поднял ее под мышки, довел до кушетки, усадил и решительно направился в крысиный угол.

Толстое прочное стекло треснуло в нескольких местах. Круглая металлическая крышка была откинута. Тонкая сосновая стружка, выстилавшая дно ящика, валялась вокруг, на полу.

— Ты видела его? — спросил профессор Клавдию, разглядывая свежие царапины на металле, сломанную маленькую задвижку.

— Еще бы не видела! Кинулся на меня, нечисть, и откуда только силы у него, старый, больной насквозь. Почти уж издох, а прыгнул прямо вот на такую высоту. — Клавдия отмерила метра полтора от пола. — Чуть в лицо не вцепился, сволочь, едва от него, заразы, веником отбилась.

Горничная Клавдия была женщина богобоязненная, молчаливая и чопорная. Никогда она не тараторила, не повышала голоса,

не произносила бранных слов. Сейчас щеки ее пылали, глаза блестели. Она дрожала, как в лихорадке, и облизывала пересохшие губы. Михаил Владимирович по старой докторской привычке прижал пальцы к ее запястью, машинально отметил про себя, что пульс бешеный, не меньше ста пятидесяти в минуту, и что у него самого точно такой же.

— Погоди, ты хочешь сказать, он свалился откуда-то? — уточнил профессор и огляделся.

— Да какой — свалился?! Нет!

— Ну, а что же? Подпрыгнул прямо от пола? Вот на такую высоту? — Михаил Владимирович нервно усмехнулся.

— Взлетел вверх, будто он птица, а не крыса. Ай ты, батюшки, да что же это? — Клавдия открыла рот, вытаращила глаза.

Стало тихо. В тишине раздавался шорох лопаты дворника, убиравшего во дворе снег. К этому звуку прибавился другой, упрямый и тревожный скрип.

Плюшевая коричневая штора дергалась быстро и сильно, как будто ожила. Конец массивного деревянного карниза с треском пополз вниз, посыпалась штукатурка.

Первым опомнился профессор. Одним прыжком он долетел до окна и упал на скачущую штору.

— Клава, эфир, быстро! И перчатки, перчатки надень!

Михаил Владимирович стоял на коленях. Пойманная штора металась и пищала в его руках. Он сопел и отдувался. Глаза его сияли, под серой щетиной проглядывал румянец. Он был похож на вратаря, который поймал мяч в последний момент, когда матч почти проигран.

— Нет! — шепотом крикнула Клава. — Я не могу! Бог свидетель, Михаил Владимирович. Не могу. Вы морду его видели? Глаза видели?

— Перестань, это всего лишь крыса. Надень перчатки.

Сверху качался карниз. Он едва держался на одном винте. Медный шар-наконечник грозил обрушиться на профессорскую голову. Клавдия сидела неподвижно, только губы едва заметно шевелились. Она бормотала молитву.

— Ладно, иди. Разбуди Таню, — сказал профессор.

Старая горничная резво вскочила, убежала и в коридоре у самой двери налетела на барышню семнадцати лет, дочь Михаила Владимировича. Таня уже сама проснулась от шума. В желтом пеньюаре, тонкая, голубоглазая, с распущенными светлыми волосами до пояса, она спешила в лабораторию на помощь отцу.

Через четверть часа на маленьком операционном столе лежал усыпленный эфиром толстый зверек. Это была лабораторная крыса, вернее, крыс. Совершенно белый, но с рыжим пятном под нижней челюстью. Странная, невероятная для крысиного рода отметина по форме своей напоминала отчетливую пентаграмму, пятиконечную звезду, перевернутую верхушкой вниз.

— Не иначе, прапрабабка этого крыса согрешила с кем-то из предков няниного кота, — заметила однажды Таня, — у красавца Мурзика на шее точно такое пятно, правда, круглое.

— Исключено, — возразил Михаил Владимирович. — Между кошками и крысами такие отношения невозможны.

Таня тогда смеялась до икоты. Ее ужасно забавляло выражение отцовского лица в моменты глубокой сосредоточенности, когда он переставал понимать шутки и даже самые абсурдные предположения обдумывал всерьез.

— Давай назовем его Гришка, в честь Распутина, — предложила Таня и тронула пальчиком рыжую пентаграмму.

— Сколько раз я тебе говорил: подопытным животным имена давать нельзя, только номера, — нахмурился отец. — И при чем здесь мистический мужик Ее Величества? Не он один в мире зовется Григорием. Мендель, основоположник генетики, тоже был Григорием.

— Тем более! Я буду звать его Гришка Третий! — веселилась Таня.

— Не смей! При мне, во всяком случае! — злился отец.

Диалог этот произошел около года назад. С тех пор Таня постоянно называла подопытного крыса с рыжим пятном Гришкой Третьим. Михаил Владимирович не заметил, как сам стал звать его так же.

Сейчас оба они, отец и дочь, растерянно смотрели на спящего зверька. Розовый голый хвост слегка подрагивал. Лапки, по-

хожие на миниатюрные, изящные дамские ручки, произвели несколько слабых скребущих движений и успокоились.

— Нет, папа, это не Гришка, конечно, — сказала Таня и зевнула. — Смотри, шкурка белая, пушистая, розовые склеры. Кожа мягкая, молодая. А где пятно? Ну где, покажи, пожалуйста.

— Вот оно. На месте.

— Все равно не верю. У Гришки огромное потомство, кто-то из очередного помета мог унаследовать рыжую пентаграмму. Это внук или правнук. Гришка почти весь облысел после операции.

— Облысел. Но теперь оброс.

— Так быстро?

— За месяц. Это нормально.

— И окрас новой шерсти в точности как прежний, та же пентаграмма на горле?

— Как видишь.

— У Гришки должен быть шрам на черепе. Где он? Никакого шрама нет.

Танина рука в черной медицинской перчатке осторожно перевернула крысу на брюшко. Михаил Владимирович взял большую лупу, разгреб густую блестящую шерсть на крысиной холке.

— Вот он, шрам. Совсем маленький.

— Папа, перестань! — Таня помотала головой. — Рана не могла зажить так быстро, и шерсть не могла вырасти. Ты же не алхимик, не средневековый маг, не доктор Фауст! Ты сам отлично понимаешь, что это чушь и бред. Над тобой смеяться будут. Не может крыса двадцати семи месяцев от роду выглядеть вот так, не может! Двадцать семь месяцев для крысы — это все равно что девяносто для человека.

— Эй, погоди, а что ты так кричишь? Почему ты перепугалась, Танечка? — Доктор погладил дочь по щеке. — У старого крыса выросла новая молодая шерсть. Порозовели склеры. Бывает.

— Бывает? — крикнула Таня, стянула перчатки и отшвырнула их в угол. — Папа, ты, кажется, с ума сошел! Ты же сам уверял, что биологические часы никогда не идут вспять.

— Не кричи. Помоги мне взять у него кровь на анализ, пока он спит, и подумай, как нам укрепить крышку клетки, чтобы он опять не выскочил.

Михаил Владимирович уже держал в руках стальное перышко и чистую пробирку. Таня быстро скрутила в узел мешавшие ей волосы, повязала низко на лоб косынку, надела чистые перчатки. При этом она продолжала громко, нервно говорить:

— Он родился 1 августа четырнадцатого года, этой даты забыть нельзя. Война началась. Он единственный из помета выжил. Хилый, но агрессивный.

— Вот именно, агрессивный, — пробормотал Михаил Владимирович, счастливо щурясь.

Капля крысиной крови скатилась в тонкую пробирку. Таня взяла сонного крыса и, пока несла его назад, в ящик, чувствовала сквозь перчатку тепло и пульсацию мягкого тельца. На миг ей показалось, что в руках у нее не лабораторный зверек, каких она перевидала с детства великое множество и совершенно не боялась, а существо странной, неземной породы. Она покосилась на отца, склонившегося к микроскопу. На макушке у него сквозь жесткий седой бобрик розово сияла лысина. Гришка зашевелил лапками. Эфир переставал действовать. Таня опустила крыса в ящик, на стружку, сверху придавила крышку тяжелой мраморной подставкой от чернильного прибора.

— Будешь его вскрывать? — спросила Таня, стягивая перчатки и косынку.

Вопрос пришлось повторить громче. Отец прилип к микроскопу.

— А? Нет, еще понаблюдаю. Прикажи там, пусть ставят самовар. Ну, что застыла? Иди, опоздаешь в гимназию.

— Папа!

— Что, Таня?

— Скажи, тебе удалось выделить тот самый белок?

— Не знаю. Вряд ли.

— Тогда почему?

Михаил Владимирович поднял наконец голову от микроскопа и посмотрел на дочь.

— Все просто, Танечка. Он соблюдал диету, активно двигался. Клетка ближе других к окну, форточка открыта, он дышал свежим воздухом.

— Папа, перестань! Ты тоже соблюдаешь диету и дышишь свежим воздухом!

Михаил Владимирович ничего не ответил. Он опять прилип к микроскопу. Таня вышла из лаборатории, тихо затворив дверь.

* * *

Москва, 2006

В прихожей заливался звонок. На тумбочке чирикал соловьем мобильный, сообщая, что пришла почта. Соня проснулась и тут же увидела папу. Он сидел на краю кровати, приложив палец к губам, и мотал головой.

— Не открывай, — прошептал он, — ни за что не открывай.

Соня встала, накинула халат поверх пижамы, прошлепала босиком в прихожую. Папа остался сидеть, ничего больше не сказал, только проводил ее грустным детским взглядом.

— Лукьянова Софья Дмитриевна? — спросил мужской голос за дверью.

— Да, — просипела Соня и закашлялась.

— Откройте, пожалуйста. Вам посылка.

— От кого?

За дверью что-то сухо зашуршало.

— Прочтите сообщение на мобильном. Оно поступило двадцать минут назад, — произнес глухой мужской голос.

Возвращаясь в комнату за телефоном, Соня взглянула в зеркало. Ветхий мамин халат болтался на тощих плечах, как мешок на огородном пугале. Бинт за ночь съехал на шею, волосы безобразно сваялись, в них запутались клочья ваты. Правое ухо от спиртовых компрессов покраснело, распухло и шелушилось. Судя по ознобу, температура с утра у нее была не меньше тридцати восьми. В ухе продолжало стрелять и булькать, ныла вся правая половина головы.

«Уважаемая Софья Дмитриевна! Поздравляю Вас с днем рождения! Желаю здоровья и творческих успехов! И.З.»

Это сообщение было последним. Оно действительно пришло двадцать минут назад, то есть в половине одиннадцатого. Перед ним пришло еще три. Соня не стала их читать, захлопнула телефон, поплелась назад, в прихожую.

— Не открывай, — шепотом повторил папа.

Теперь он стоял рядом. Щеки порозовели. Трепетал нежный седой пух на макушке. Глаза казались больше и ярче.

За дверью было тихо.

— Эй, вы еще здесь? — спросила Соня.

Ответа не последовало.

— Кажется, ушли, — сказала Соня папе. — Я все-таки открою, посмотрю. Ладно?

Папа испуганно замотал головой.

Из-за температуры, из-за боли и постоянной стрельбы в ухе все было подернуто вязкой мутью, как будто воздух в маленькой квартире сгустился.

— Ну чего ты боишься? — спросила Соня. — Тебе просто приснился плохой сон.

— Нет, — сказал папа, — это не сон. Это все наяву, Сонечка. Прошу тебя, не открывай дверь.

— Никогда?

— Не знаю. Во всяком случае, сейчас не надо.

Несколько секунд они стояли и молча смотрели друг на друга.

— Ладно. Мне все равно. Я лягу, — сказала Соня. — Ты не помнишь, где у нас градусник?

Папа шагнул к ней и прикоснулся губами ко лбу.

— Тридцать восемь и два. Градусник ты разбила вчера ночью. Не забудь, пожалуйста, вымести ртуть из-под кровати. Ты же знаешь, как это вредно.

— Хорошо. А где веник?

— В машине. Ты стряхивала снег и оставила веник в багажнике. А второго у нас нет. Но не вздумай за ним идти. Там метель, очень холодно. Ртуть можно собрать влажной тряпочкой. Я бы сам это сделал, но...

Из комнаты послышалась соловьиная трель мобильного. Опять пришло сообщение. В дверь позвонили, на этот раз так пронзительно громко, что Соня вздрогнула.

— Софи, ты дома? Спишь, что ли?

Этот голос нельзя было не узнать. Раскатистый, зернистый бас. Почти каждый день он звучал за кадром по телевизору на одном частном непопулярном канале. В кадре при этом обычно показывали рекламу электронных излучателей, которые лечат синусит, ожирение и воспаление предстательной железы; жгучих целительниц, которые снимают порчу и возвращают блудных мужей; аппаратики для удаления нежелательных волос и выращивания желательных. Папа включал именно этот канал, специально, чтобы послушать, как Нолик пьющий рекламирует своим авторитетным басом таблетки для лечения алкоголизма, как Нолик толстый рассказывает о новейших методах мгновенного похудения.

Блудная жена ушла от Нолика год назад. К ворожеям он не обращался, вместо этого торчал вечера напролет на кухне у Лукьяновых и говорил, что жизнь кончена.

— Софи, это я! Открой!

Бас Нолика звучал бодро и радостно. Соня подумала, что дело совсем плохо. Раньше по утрам он не напивался. Несколько минут она возилась с замками. Папа стоял рядом и напряженно молчал. Дверь наконец открылась.

— Мяу-мяу! — сказал Нолик.

Его круглая физиономия сияла. Выпив, он всегда мяукал. Но вместо запаха перегара Соне ударила в ноздри густая свежая волна аромата живых цветов. Нолик держал подмышкой огромный букет роз. Багровые, почти черные тугие бутоны были усыпаны капельками воды.

— Поздравляю. — Он перешагнул порог и потянулся губами к Сониной щеке.

— С ума сошел? — спросила Соня и поморщилась от очередной пулеметной очереди в ухо.

— К сожалению, врожденная честность не дает соврать, — вздохнул Нолик и выпятил нижнюю губу, — это не я. Они лежа-

ли на коврик у двери. Я только слышал, как кто-то спустился на лифте. Если ты сейчас быстренько помотришь в окно из кухни, ты, может быть, успеешь увидеть.

— Веник, — произнесла Соня и зашлась кашлем.

— Какой веник?! Шикарные розы! Ну, ты даешь, Софи! — возмущился Нолик. — Красота немислимая, посмотри, понюхай! Надо обязательно обрезать и обжечь стебли.

— Ключи от машины в кармане моей синей куртки, спустись и принеси, пожалуйста, веник. Он в багажнике. Я разбила градусник, нужно смести ртуть.

— А, понял, — кивнул Нолик. — Сейчас сделаю. Только не бросай розы, поставь их в воду.

Дверь за ним закрылась. Соня осталась стоять, обняв обеими руками шуршащий букет. Большой вазы в доме не было. Единственной посудиноу, подходящей по объему, оказалось пластиковое помойное ведро. Соня вытащила из него мешок с мусором, ополоснула, налила воду. Пока она возилась с цветами, вернулся Нолик. Вместе с веником он принес небольшой коричневый портфель и торжественно вручил Соне.

— Помнишь, как говорит моя мама, когда теряются нужные вещи? Где-нибудь лежит и молчит! Вот, он валялся под передним пассажирским сиденьем и, конечно, молчал. Хотя, даже если бы он и мог что-то сказать, его бы вряд ли услышали.

Это был папин портфель. Он пропал как раз в тот ужасный вечер, девять дней назад.

— Папа! — позвала Соня. — Иди сюда, смотри, Нолик нашел твой драгоценный ридикюль.

— Не кричи, — прошептал папа, — я отлично слышу. Я тут, рядом.

Он действительно стоял рядом, прямо перед Соней. За несколько минут лицо его осунулось, состарилось, щеки сморщились и побледнели, подернулись серой стариковской щетиной, седой пух пригладился, прилип к коже. Глаза стали тусклыми и такими безнадежными, что Соню пробрал озноб.

— Ты совсем не рад, что нашелся портфель? — тихо спросила Соня.

Папа скорбно покачал головой и положил руки ей на плечи. Руки были слишком тяжелые и теплые. Соня крепко зажмурилась, пытаясь унять головокружение, а когда открыла глаза, увидела испуганное лицо Нолика, почувствовала его огромные лапы на плечах.

— Софи, посмотри на меня! Это я, Софи! Ты вообще меня видишь? Слышишь? Что за веревка у тебя на шее?

— Дурак! Это не веревка, а бинт. У меня, Нолик, воспаление среднего уха, я делала на ночь компресс, и он съехал. Я тебя отлично вижу и слышу. В чем дело?

— Ты только что разговаривала с Дмитрием Николаевичем.

— Да. И что?

Нолик прижал ладонь к ее лбу.

— У тебя жар. Но не такой сильный, чтобы бредить. Приди в себя, пожалуйста.

Бедняга Нолик так испугался, что от легкого утреннего хмеля не осталось и следа. Соня пришла в себя, исключительно ради Нолика, чтобы он не волновался.

— Все нормально. Я в порядке. Я знаю, что папа умер, в прошлую среду мы его похоронили, и сегодня девятый день.

— Уф-ф, слава богу, — вздохнул Нолик, — ты только забыла добавить, что сегодня еще и день твоего рождения. Тебе, Софи, стукнуло тридцать лет. Здесь тридцать одна роза. Некто добавил один цветок, потому что четное число в букете — плохая примета. Только такая пофигистка, как ты, могла поставить розы в помойное ведро. Воды хотя бы налила?

— Естественно! Арнольд, почему ты не подарил мне на день рождения большую красивую вазу?

— У меня для тебя другой подарок. Но ты, Репчатая, его не получишь, если будешь называть меня Арнольдом. Еще раз услышу — уйду.

— Ага! Кубарем выкатись, если еще раз назовешь меня Репчатая!

Секунду они смотрели друг на друга грозно, как будто собирались подраться. Нолик возмущенно пыхтел. Лет двадцать назад они бы, правда, подрались, не больно, но обидно. Нолик

терпеть не мог своего полного имени — Арнольд. А Соню раздражало детское прозвище Репчатая. Тут же возникал в памяти школьный коридор, зеленые масляные стены, серый в стрелочку линолеум, топот ног за спиной и крики: «Лукьянова! Лук! Луковица репчатая!»

Нолик учился в той же школе, двумя классами старше, и жил когда-то в квартире напротив. Именно из-за него за Соней тогда гнались и обзывали Репчатой. Он нравился самой энергичной девочке в Сонином классе, Нине Марковой. Нина писала ему записки и требовала, чтобы Соня работала почтальоном. Нолик отказывался отвечать, энергичная Нина ему совсем не нравилась, и в итоге виноватой оказалась Соня. Все это была забытая детская чушь, но с тех пор кличка Репчатая ассоциировалась у Сони с крайней степенью недоброжелательности.

— Все из-за тебя! — сказала Соня и впервые за прошедшие девять дней улыбнулась, глядя на хмурого, толстого, смешного Нолика.

Он давно стал для нее уже не другом детства, а родственником, младшим братиком, хотя был старше. Толстый, пьющий, балованный Нолик, без признаков мужественности, с нестабильным доходом и тяжкими амбициями несостоявшегося актера.

— Что — из-за меня? Я, между прочим, отменил на сегодня все озвучки по случаю твоего юбилея. Я рано встал, тащился к тебе в метель, через всю Москву.

— Мог бы просто позвонить.

— Ты трубку не берешь.

— Да? Правда? А почему?

— Слушай, может, тебе врача вызвать?

— Ха-ха, я сама врач.

— Ничего не ха-ха. Ты не врач, ты биолог. Тебе нужен этот, как его? Ухо-горло-нос.

— Иди на фиг. Лучше вымети ртуть из-под кровати, напои меня чаем, потом сбегай в аптеку и стань мне хотя бы на один день родной матерью.

Нолик с готовностью засуетился, проводил Соню в папину комнату, уложил на тахту, накрыл пледом, ушел выметать ртуть.